

Танкер Необходимость -1

«Дербент»:

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 24 января, 2025

Танкер "Дербент": Необходимость -1 НЕОБХОДИМОСТЬ

1.

Дождавшись смены, Белецкая торопливо, молча оделась. Ей хотелось теперь только одного – уйти незаметно, чтобы избежать расспросов сослуживцев. Но Лиза Звонникова ходила вокруг и плаксиво тянула:

– Да что же ты молчишь, Му-усь-ка? Это же что-то невероятное. Ну, Мусенька, милая, золотая, расскажи.

– Голова болит, – скороговоркой отвечала Муся, натягивая берет и глядясь в оконное стекло. – Это такая жуть, что вспоминать неохота. Тебе Тарумов расскажет.

Она пошла к двери, но Лиза догнала ее и всплеснула руками.

– Муся, да ведь там же Сашка. Что же с ним-то? Муся, милая...

– Ты только сейчас вспомнила? – злобно прорвалась Муся. – Не знаю я ничего. Оставь меня.

Она выскочила на крыльцо и сбежала по ступенькам. За белыми домами вставало солнце, со стороны пекарен ветер доносил запах горячего хлеба. Люди бежали к трамвайной остановке, торопливо взбирались на подножки вагонов, и лица у них были совсем обыкновенные, озабоченные, немного помятые после сна.

В трамвае, усевшись между толстой старухой, сосавшей леденцы, и черным человеком в папаше, Муся почувствовала себя очень одинокой.

«Сейчас они подходят к Махачкале, – думала она. – Саша стоит на палубе и смотрит на берег... Впрочем, зачем ему смотреть на берег? Вероятно, спит себе спокойно в каюте. Он всегда спокоен, доволен своим положением, а я мучаюсь неизвестно отчего. Ну, да хватит думать об этом... А вдруг он обожжен и лежит вместе с другими обожженными?»

Мусе представились белые койки и на них неподвижные фигуры, закрытые простынями. Она вздрогнула и испуганно оглянулась. Толстуха грызла леденец, сонно глядя перед собой, щеки ее тряслись от толчков трамвая. Человек в папахе собирался выходить и поглядывал в окно.

«Сколько времени мы не виделись, – думала Муся, – май, июнь, июль... – она быстро загибала пальцы, шевеля губами, – август, сентябрь, октябрь... с половиной... Он не давал знать о себе, он выкинул меня из головы, вот и все. Ну и черт с ним, даже лучше! Ах, скорее бы домой».

Муся с ненавистью взглянула на толстуху и поджала под себя ноги. Трамвай загремел на стрелке, и в окнах замелькали деревья бульвара.

«Я вела себя как дура сегодня. Тарумов, вероятно, думает, что я просто курица-клушка, вроде Гали Гончаренко, которая спит с фотографией мужа. Ух, какая гадость! Но не все ли равно, что он там думает? Главное, я очень боюсь... и ничего не могу с собой поделать. Кажется, сейчас зареву. Ах, я просто сумасшедшая!»

На углу Молоканской Муся сошла с трамвая. На тротуаре какие-то двое читали газету. Высокий человек в морской фуражке обратился к другому:

– Это случилось сегодня ночью, значит, в газетах появится завтра. Конечно, завтра, а не сегодня. – Он, улыбаясь, смотрел на Мусю и толкнул товарища, чтобы тот оглянулся. – Эх, хороши девушки бакинские – первый сорт!

Добежав до перекрестка, Муся остановилась. Моряк все смотрел на нее с бесцеремонным любопытством и даже как будто собирался подойти. Муся подумала с минуту и вдруг опрометью бросилась через дорогу.

«Справляюсь только в управлении, нет ли чего нового, – соображала она. – В этом нет ничего особенного, все справляются, не я одна. Но что я могу там узнать, когда я только что с радиостанции? Все равно... Ах, какая я дура!»

Она злилась на моряка, смотревшего ей вслед, на грузовик, загородивший дорогу, на самое себя.

В управлении пароходства она действительно не узнала ничего

нового. У подъезда стояли женщины, и одна из них – совсем молоденькая, в желтой кофточке – украдкой плакала, отвернувшись к стене.

– Успокойтесь, – сказала ей Муся, – у вас там муж?

– Нет... знакомый.

– Где?

– На «Дербенте».

– Ну перестаньте же, – говорила Муся. – У меня муж там, но я пока не плачу. Послушайте, все обойдется.

Девушка вытерла глаза и улыбнулась.

– Вы думаете?

Муся бежала по Ольгинской, и щеки ее пылали.

«Зачем я сказала ей про мужа, зачем наврала? Незачем было ходить сюда. Ведь он жив и спокоен, как всегда, и уж, верно, не думает обо мне. Однако эта девочка плакала... Вздор! Он же подписал телеграмму... Это ничего не значит. Он мое подписать ее даже, если... Ах, когда все это кончится!»

У подъезда гостиницы она приостановилась и заглянула в зеркало, прикрепленное к двери. Перед ней в рамке стояла девушка с темными злыми глазами. Из-под берета выбились волосы и прикрывали горящие уши.

– Ну что? – шепнула Муся ненавистно. – Куда теперь побежишь? Ждать надо. И кому нужна твоя тревога? Сидела бы дома...

Девушка в зеркале ответила злобной гримасой и даже оскалила зубы. Муся побрела дальше. Она прошла Молоканскую, машинально свернула во двор и поднялась по лестнице. В коридоре дети с грохотом таскали по полу деревянную лошадь. Соседка вынесла из кухни мокрое белье.

– Мусенька, к вам вчера инженер приходил, – сказала она, – тот самый, Истомин, кажется...

Она улыбалась лукавой, сочувственной улыбкой, какой улыбаются пожилые, давно женатые люди, когда говорят о чужих любовных делах.

– Он просил что-нибудь передать? – поинтересовалась Муся.

– Он сказал, что зайдет завтра. Вы прячете ее от меня, говорит, да я все равно ее найду. Угадали, говорю, она у меня в кармане. Да вы не краснейте, Муся. Я вам всегда желала

добра, — по-моему, он очень симпатичный.

— У нас с ним ничего нет, — сказала Муся уныло. — Вы смеетесь надо мной.

— Уж я знаю. Ох и скрытная вы, гражданочка!

Муся прошла в свою комнату и легла на кровать, свернувшись калачиком, подложив под щеку ладонь, как делала она всегда перед сном. Но сон не приходил, хотя все тело ее ныло от усталости. Ей все казалось, что она лежит неудобно, и она старалась найти покойное положение. Несколько раз наступал момент, когда мысли ее цепенели и перед глазами мелькали короткие туманные образы. Но внезапный толчок встряхивал ее изнутри, и, приходя в себя, она ощущала вновь страшное беспокойство, хотелось немедленно встать, идти куда-то и что-то предпринять, хотя она знала, что предпринять ничего нельзя, надо ждать.

«Что-то я натворила неладное, — думала она, переворачиваясь на спину и открывая глаза. — Ну, давай разберемся и покончим с этим... Саша на «Дербенте», и о нем ничего не известно. Это самое главное, но скоро все выяснится, и... тут я ни в чем не виновата. Что же еще? Он стал другой... нет, он всегда был другой, не такой, каким я его представляла. Разве он неудачник, фантазер? Теперь о нем пишут в газетах... А Яшка Нейман оказался предельщиком, и его ругают на собраниях, а он старается изобразить так, будто никогда и не думал травить стахановца Басова. Но ведь я-то тут ни при чем... Врешь!.. Ты тоже травил его вместе с другими, но об этом никто не знает... Вместе с Нейманом... Фу, какая гадость!.. А все-таки, когда сегодня случилось, несчастье, я боялась за него. Значит, уж не такая я дрянь? Опять врешь! Он никогда не был тебе безразличен, ты всегда тянулась к нему. Но тебя напугали его неудачи, и ты шарахнулась от него, как лошадь. Попросту струсила... Ясно. Еще что? Ах да, этот Истомин! Ты ставила его в пример Саше, потому что он преуспевает и его ценит начальство. Сашка слушал и молчал. Да что же это такое?.. Слушал и молчал... Дура, заплачь теперь!»

Муся повертелась на кровати, покусала губы и действительно заплакала. Она вспомнила, как однажды зашла к Истомину на

службу в управление пароходства, чтобы идти с ним в театр. Это было в середине лета. Саша давно ушел в море, и она встречалась с Истоминным почти ежедневно.

У подъезда стоял автомобиль Годояна, и вокруг него прохаживался маленький потный шофер, протирая тряпкой стекла машины. Минуту спустя из подъезда вышел Истомин в сопровождении нескольких сотрудников. Не замечая Муси, он подошел к машине.

— Здравствуй, Николай, — любезно приветствовал он шофера. — Как дела? Степан Дмитриевич на совещании?

Он вытащил портсигар и протянул его шоферу. В его движениях и в тоне голоса Муся заметила что-то заискивающее, и, вероятно, это заметил также и шофер, небрежно взявший папиросу и разминавший ее масляными пальцами.

— Хорош «фордик», — завистливо сказал Истомин пожилому человеку, стоявшему рядом с ним, — эх, кабы нам-то...

Он обернулся и увидел Мусю.

— Я опоздал немного, — сказал он совсем другим, уверенным и внушительным, голосом, — меня задержали, простите.

Мусе показалось, будто он нарочно громко произнес эту фразу, чтобы ее услышали его товарищи, стоявшие на тротуаре. Она встретилась глазами с шофером и покраснела.

— Вы пришли вовремя, — отрезала она сухо. — Что же, пойдемте.

В это время из подъезда вышел Годоян. Он подхватил портфель под мышку, снял очки и принялся протирать их носовым платком, близоруко щурясь. Истомин выпустил Мусину руку, нахмурился и коротко-ловко поклонился. Годоян прикоснулся к фуражке и полез в машину.

— Вы видели? — спросил Истомин, шагая рядом с Мусей по тротуару. — Он меня знает и всегда раскланивается со мной при встрече. Других он даже не заметил. Вы видели?

В тот вечер совсем не было ветра, и над городом висел густой, неподвижный воздух, напитанный запахом цветов и бензинной гари. По гладкому зеркалу взморья двигались красные и зеленые огни судов, и Муся все смотрела в ту сторону, отвечала невпопад и чувствовала себя одинокой, никому не нужной. С тех пор прошло много месяцев, но воспоминание вдруг встало так

живо, как будто все это случилось вчера.

«Завтра пойду на пристань, – думала она, понемногу успокаиваясь. – Пойду ли? Саше покажется, что я из-за газетных статей к нему прибежала. Все равно, пусть думает, что хочет... Мне бы только увидеть его разок. Теперь уж я засну, потому что решила идти и мне не о чем больше думать... Нет, постой. Как могла я так ошибаться?... Струсил его неудачи? Нет, тут есть еще что-то. Я не понимала главного в нем: необходимости для него, – такого, как он есть, – идти по этому трудному, но единственному для него пути...»

Откуда-то появилось лицо старухи. И эта с таким усилием завоеванная мысль вдруг затуманилась, исказилась. Старуха совала в рот леденцы, и щеки ее тряслись, как у бульдога. Муся не сразу смогла освободиться от этой старухи, но, засыпая, повернулась на бок, и сразу перед ней появилось другое лицо, спокойное, пожалуй даже немного флегматичное, и у глаз мелкие морщинки на шафранной коже. И Муся отчаянно потянулась обеими руками к этому лицу, боясь, чтобы оно не исчезло.

– Мне так не хватало тебя, командир, – пожаловалась она, блаженно улыбаясь. – Но ты уже уходишь? Именно теперь, когда я так стосковалась по тебе? Послушай, я знаю теперь, что это необходимо, тебе пора идти. Видишь, я не удерживаю тебя, хоть мне и больно. Как больно, как ясно и хорошо...

Дорогое лицо затуманилось и исчезло. Больше оно не появлялось, и Мусе снились потом физкультурные соревнования, дежурство на радио, какие-то телеграммы. Но все время, пока она спала, ее не покидало светлое, горделивое чувство, которое оставило первое сновидение. Powestler